

общество

ОБЩАЯ ГАЗЕТА / 21-27 АВГУСТА 1997 ГО

- с. 5

ИЗ АРХИВА «ОГ»

Мстислав Ростропович: У меня есть все. Кроме счастья видеть мою Родину счастливой

Эти слова сказаны не сегодня, а несколько лет назад, примерно на полдороге от августа 91-го к октябрю 93-го. Мы сидели с Ростроповичем у него на кухне. Я пытался взять интервью для «Общей газеты», задуманной как продолжение той, впервые общей, чей первый номер усилиями всех демократических изданий вышел 21 августа 1991 года. Нас связывали общие воспоминания о том Белом доме, мы — не только я, но, кажется, и он — рады были встрече, а веселого разговора не получалось.

Похоже, оба собеседника чувствовали себя на перепутье, и чуткое ухо виолончелиста уже улавливало в музыке нашей «перестройки» те помехи и фальшь, ту двусмысленность в сгущающейся атмосфере общества, которая через год разрядится выстрелами по Белому дому, оставившими первую непоправимую пробоину в нашей демократии. Но еще прежде, к тому време-

ни, когда вышел номер обновленной «Общей газеты», многое вокруг поменялось, и интервью так и осталось ненапечатанным.

На днях я его перечитал. И почувствовал в настроении тех и этих дней нечто общее, чему имя — безвременье. Конечно, мы стали другими, но не стали лучше. Было бы совсем скверно, если бы в мире не было таких современников, как Ростропович с его застенчивой улыбкой и всепобеждающей виолончелью, с его неистовой наивностью, перед которой пасует самый уверенный цинизм, с его жаждой правды и пронзительной любовью к России и людям, с его непреклонной верой в их будущее. Сегодня, когда мы вновь на распутье и «ОГ» вновь ищет свое направление и свой голос в оркестре, нам нужны такие собеседники, как Ростропович. Вот это интервью.

Егор ЯКОВЛЕВ

Юрий ФЕКЛИСТОВ

Мстислав Ростропович. Этот високосный год принес мне разочарования после 19 августа. Тогда я искренне верил: все так и пойдет, как было на митингах. А теперь идет политическая игра на глазах народа, и она делает народ инертным. Это мало волнует политиков с обеих сторон. Мне кажется, эта игра кончится, она не может не кончиться. То, что произошло в обществе, не может пойти вспять. Я верю в свой народ.

Егор Яковлев. Мой первый вопрос: человек с автоматом в Белом доме, фотография, обошедшая все газеты мира, стал образом Ростроповича. А сегодняшний Ростропович? Осталась ли в нем та же вера в правду и справедливость?

М.Р. Осталась. Если бы не осталась, я бы никогда сюда не вернулся.

Е.Я. В чем тогда ошибка?

М.Р. Я переоценил август 1991 года. Мне показалось, что после 1991 года произошло очищение. Взрыв. Все плотины снесло. Я ошибся, просто новая эра не наступила. Скажу, почему она не наступила: потому что за 75 лет на-

копилась инертность народа и его безразличие. Это как инертный газ, который не вступает в реакции. Вот и эти люди не входят в реакции, за исключением реакции живота. Реакция на живот в России сильна. Ты сыт более или менее — значит, власть хороша.

В музыке, чтобы сделать модуляцию из одной тональности в другую, ты не можешь просто так это сделать, ты должен прежде всего разрушить тональность первую. Ты ее разрушаешь и переходишь к другой. Вот этот строй, который был проклятием моей жизни (из-за этого я и приехал в августе), он должен был быть разрушен, и слава Богу, что нашлись люди, которые его разрушили.

Е.Я. Нам показалось, что его разрушили.

М.Р. Да, нам показалось. Теперь надо бы созидать новое, но те, прежние, объединяются лучше, чем мы. Потому что мы думали — все замечательно. Если пример последнего съезда не научит нас мыслить правильно, тогда мы банкроты, и тот август был совершенно напрасен.

Е.Я. Меня пугают две вещи. С одной стороны, у власти находится вся эта партийная голодная сволочь. С другой стороны, наступило «второе пришествие Хама». Хам приходит в искусство и в политику. Я столкнулся на телевидении с огромным количеством людей, которые считают себя авангардистами, а это обычное хамство. Они говорят, что они за свободу слова, а им нужно хорошее время на ТВ и возможность наживаться на рекламе. Мы создали то же самое в политике.

М.Р. Я бы вот так ответил на это. Существует где-то точка отсчета, на которую нужно встать, не рассуждая. Я человек особой конструкции. Меня сделали особой конструкцией, я таким не родился. Меня насильно лишили моей Родины. Вышибли из моей страны, и я вынужден был познать другую жизнь. Вышибли без единого цента. Когда я пошел по Лондону, впервые там решил улицу, я понял, что меня могут сшибить машины, и тогда мои дети и моя жена остались бы безо всего. И я попросил застраховать мою

жизнь, это единственное, что будет иметь моя семья — премию за мою смерть. Вот так я воспринял капитализм.

Когда мой друг Юрий Никулин получил Героя соцтруда, я написал ему телеграмму (но не послал): «Дорогого друга, замечательного артиста цирка, которого я очень люблю, Никулина поздравляю званием героя социалистического труда». И подписался: «герой капиталистического труда». Не послал, побоялся ему навредить. Знаешь, чем отличается наш безработный от американского? Американского называют в дома для ночлежки, а он говорит: я не пойду, насилие над личностью.

Нам не нужно открывать ничего нового, давайте сделаем, как там, а потом посмотрим, как это можно улучшить. Но надо же с чего-то начинать.

Когда у Белого дома 20-го числа в 3 часа утра подошел к медсестрам с маленьким крестом на белых чепчиках, я вспомнил фотографии царских дочерей в первую мировую.

Е.Я. Ты помнишь фотографии первых медицинских сестер?

М.Р. Да! Я смотрел в их глаза и понял: да, это поколение я не знал, потому что уехал в 1974-м, а путч был в 1991-м. С 74-го по 91-й год выросло целое поколение.

В будущем поколения я верю. Им я готов посвятить свою жизнь, потому и создал огромный комитет помощи педиатрии.

Для меня судьба моей Родины самое важное, что у меня есть. Все остальное я имею, но я не имею счастья видеть мою Родину счастливой.

Е.Я. Я делаю с тобой интервью в газету, которая еще не существует. Она называется «Общая газета», пока ты был с автоматом, я выпускал подпольно «ОГ». Теперь буду делать это легально.

Почему я хочу сделать эту газету? Я, как и ты, со времени двадцатого съезда 56-го года верил, что политика может быть нравственной. Политика нравственной быть не может. Счастливая нация, у которой политика, выйдя на самый верх, не останавлива-

ет жизни людей. В Америке от выбора президента для американца ничего не меняется. Это нормальная нация. Если моя поездка в Киев зависит от отношения Ельцина с киевскими коллегами, цены — от Чернобырдина, а кусок

земли на моей даче — от левой ноги Хасбулатова — это несчастная нация. Я хочу создать политическую газету, которая борется против политики.

М.Р. Бери меня корреспондентом.

Мемориальная доска на школе, где учился последний Герой Советского Союза.